

КУЛЬТУРА РОССИИ XIX ВЕКА

УДК 93/99 (093) 44 «18»

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ МЕМУАРИСТОВ (первая четверть XIX века)

О.В. Новичкова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ohanam@mail.ru

В статье на основе воспоминаний французов, посетивших Россию в первой четверти XIX века, рассматривается их восприятие русского национального характера. Формирование представлений иностранцев о русском характере проанализировано с учетом ряда факторов, обусловивших позиции авторов. В работе отмечены наиболее характерные черты, присущие русскому человеку, отражена их взаимосвязь с уже устоявшимися стереотипами.

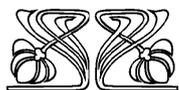
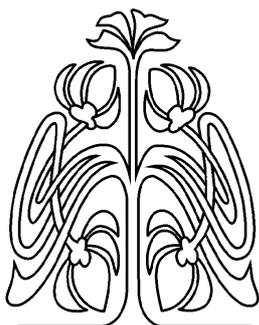
Russian National Character Viewed by the French Memoirists (the first quarter of the XIXth century)

O.V. Novichkova

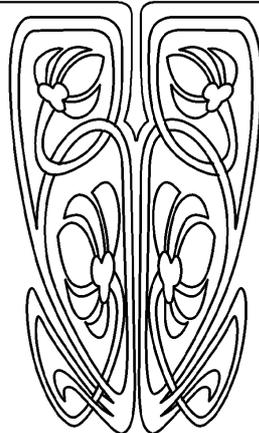
The article deals with the perception of Russian national character by the French who visited this country in the first quarter of the XIX-th century. The issue is analyzed on the basis the French memoirs. The formation of Frenchmen's idea of the Russian people is studied in consideration with various factors which influenced the perception. The most characteristic features are marked and their correlation with stereotypes of the previous periods is observed.

Первая четверть XIX века – время напряженных внешнеполитических отношений между Россией и Францией и период интенсивных массовых контактов представителей двух стран. Множество французов побывали в России в 1801–1825 годах, чему немало способствовали события 1812 г.¹ Нахождение в чужой стране стало для французов мощным источником переживаний и размышлений и явилось побудительным мотивом для написания ими писем, дневников и воспоминаний. Привлеченные нами для написания статьи французские мемуары содержат богатый материал о различных сторонах российской жизни и отражают восприятие экономических, социально-политических и культурных феноменов нашей страны представителями другой системы ценностей, обладателями иного исторического опыта.

Наряду с такими популярными сюжетами, как столичная жизнь, проблемы деспотизма и крепостного права, быт и нравы основных российских сословий, значительное место в воспоминаниях французов занимают наблюдения за характером русских людей. Степень интереса, проявленная авторами к этому вопросу, была различной. Необходимо отметить, что большинство из них не рассматривали русский характер как самостоятельное явление. Они фиксировали те или иные его черты по ходу повествования, в контексте различных жизненных ситуаций, отмечали особенности, присущие представителям основных российских сословий². Хотя были и те, кто попытался представить в своих сочинениях целостный образ русского национального характера, как, например, французская писательница Жермена де Сталь и военный врач наполеоновской армии Раймон Фор³. Обычаи, привычки, вкусы, предрассудки, нормы общения, по-своему отразившиеся в поведении отдельного человека, позволили некоторым авторам за многообразием

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

индивидуальных особенностей разглядеть нечто общее, присущее русскому народу в целом, определить те черты, которые составляли русский национальный характер.

Отмеченные в русском народе качества французы оценивали в категориях «плохой–хороший», «варварский–цивилизованный», «восточный–европейский». Склонность выделять как наиболее значимые те или иные качества в народе зависела от многих обстоятельств. Здесь имели значение и условия, и цели пребывания в стране, и загруженность сознания устоявшимися стереотипами, и приверженность каким-либо концепциям при написании сочинений. Последнее обстоятельство наиболее ярко проявилось в работах Жермены де Сталь и Раймона Фора.

В сочинении Жермены де Сталь практически отсутствуют негативные оценки и резкие замечания в отношении русского народа. Оказавшись в России в переломный в истории страны момент, изгнанница стремилась найти здесь силу, способную противостоять Наполеону. Свою принципиальную позицию она сформулировала в следующих словах: «В роковую пору, когда я оказалась в России, нация эта обнаруживала исключительно энергию сопротивления и готовность к самопожертвованию, а при виде подобных жертв кажется почти невозможным обращать внимание на то, что в другие времена могло бы вызвать нареkania»⁴. Соответственно, даже понятие «варварство» получило в ее книге положительную трактовку, и понималось писательницей как «животворная молодость нации»⁵. Она писала: «К счастью для русских, они по-прежнему остались народом, который мы именуем варварским, иначе говоря, ими движет инстинкт – подчас благородный, всегда невольный и предполагающий раздумья при выборе средств, но не при рассмотрении цели; я сказала «к счастью для русских» не потому, что намерена восхвалять варварство, но потому, что под этим словом я разумею некую первобытную энергию, которая одна способна заменять нациям удивительную мощь, даруемую свободой»⁶.

Раймон Фор, поставив цель заклеить деспотическое правление и рабство, акцентировал внимание читателей почти исключительно на проявлениях негативных черт русского характера. В трактовке «варварства» этот автор, как и большинство других, не давших четкого определения этому понятию, близок Массону, который сформулировал свою мысль следующим образом: «Варварство выражается в грубости нравов, в оскорбительном презрении к людям вообще, в равнодушии ко всякому усовершенствованию, в незнании социальных отношений, в наглой надменности, низости, непристойности, в отсутствии общественности и патриотизма, а главное, – в отсутствии той чести, которая подчас заменяет честность и даже добродетель»⁷.

Обращая внимание читателя на те ли иные черты характера русского человека, некоторые

авторы пытались разобраться в причинах, повлиявших на их формирование. В этой связи они рассматривали как климатические факторы, так и социально-политические. Популярная в XVIII веке теория географического детерминизма, выдвинутая Монтескье, нашла свое отражение в оценках Жермены де Сталь. Писательница пытается выяснить, как географические особенности страны определяют черты национального характера; стремится увидеть и отделить исконно присущие русскому человеку качества – те, что составляют «его силу и самобытность», – от наносного влияния цивилизации: «подобно тому, как порой две реки текут рядом, не смешивая свои воды, природа и цивилизация у русских существует раздельно, отчего один и тот же человек предстает перед вами, смотря по обстоятельствам, то европейцем, действующим, кажется, лишь в согласии с законами общества, то славянином, слушающим голоса лишь самых неистовых страстей»⁸. Она пытается определить место русских среди северных и южных народов и приходит к заключению, что, соединив в себе черты и тех и других, русские все же имеют больше сходства с народами Юга, или, скорее, с азиатами, нежели с народами Севера: «Придворные манеры у них, как и всех прочих наций, европейские, характер же восточный»⁹. Именно смешение европейской цивилизации и азиатского характера, по убеждению писательницы, стало причиной того, что русской нации «присущи свойства самые противоположные». В этом Сталь видит силу народа, залог его великих деяний: «Характер его соединяет в себе контрасты самые разительные, предвещающие великие свершения, ибо противоположными качествами обладают, как правило, лишь существа выдающиеся; толпа в большинстве своем однообразна»¹⁰. Основным же фактором, везде и всюду искажающим национальный характер, де Сталь называет политические распри. Он с особой силой проявился в России, поскольку ее история «представляет нам череду преступлений, сначала возвышающих властителей, а затем низвергающих их с престола...»¹¹.

Другой французский автор – Фор – тоже время от времени обращается к климатической теории для объяснения природных физических и психических свойств русского человека, предопределявших многие качества его характера. Однако именно деспотическое правление и крепостное право рассматривает Фор в качестве основных факторов, наложивших отпечаток на характер русского народа. Можно сказать, что замечания о природных задатках русского человека необходимы автору, чтобы ярче оттенить искажающее воздействие на них российских общественно-политических установлений. В русской действительности французы нашли множество подтверждений мысли просветителей о том, что рабство дурно по самой своей природе, «от него нет пользы ни рабу, ни господину»¹². Крепостное

право отняло у русских крестьян возможность распоряжаться своей судьбой и делать все, чтобы ее улучшить.

Большинство же французов в своих сочинениях лишь констатируют наличие у русских тех или иных черт характера, выносят им свою оценку, не углубляясь, однако, в рассуждения о причинах. Порой они тоже обращаются к просветительским идеям для обоснования своих умозаключений, однако намного реже и менее последовательно, чем Фор.

Среди качеств, в наибольшей степени присущих русскому народу, французы называют лень. Именно ленью они объясняли многое в укладе русской жизни. Она заставляла людей довольствоваться малым и сводила нравы к чрезвычайной простоте. Домашний быт русского крестьянина был наглядным тому подтверждением: иностранцы отмечали его крайнюю примитивность. Все предметы несли на себе отпечаток лени, которая превратилась в привычный способ существования.

Не менее ярко, чем в домашнем хозяйстве, лень проявилась в отношении русского человека к работе. Все делалось наспех, спустя рукава. В доказательство Фор приводит многочисленные увиденные им эпизоды из крестьянской жизни, как, например, следующий: «Я видел, как крепостной столяр работает на своего хозяина; у него не было верстака; при каждом движении рубанка, доска его (верстак) заменяющая, падала, поскольку ножки, поддерживающие ее, были плохо закреплены. Он ее поднимал, поправлял ножки и продолжал – доска снова падала. Он повторял эту бесполезную процедуру в течение восьми дней: его собственный верстак находился у него в доме, на расстоянии пятидесяти шагов»¹³. Фор не единственный, кто отмечал, что работа не слишком занимает русского человека. «Я больше не видел страны, где бы население показалось бы мне более праздным. Мне казалось, что повсюду и всегда было воскресенье» – вспоминает французский путешественник Эдуард де Монтюле¹⁴. По наблюдению иностранцев, русский знал – чтобы жить, нужно есть, и работал ровно столько, сколько было необходимо, чтобы прокормиться¹⁵.

Необходимо заметить, что Фор, посвятивший не одну страницу в своей книге русской лени, не считал это качество свойственным человеку от природы. Автор полагал, что климат и обусловленный его влиянием темперамент («флегматический с оттенком сангвинического») и конституция («не отличается дородностью») русского человека предполагают его активность¹⁶.

Губительное воздействие на естественные человеческие свойства оказало крепостное состояние. Оно сделало людей равнодушными к богатству и лишило их тщеславия, по мысли просветителей, – мощного стимула развития общества, предопределив тем самым крайне примитивное существование. Монтескье писал, что тщеславие служит для правительства настоль-

ко же полезной пружиной, насколько гордость – опасной. «Достаточно только представить себе, с одной стороны, бесчисленные блага, вытекающие из тщеславия: отсюда рождаются роскошь, промышленность, искусство, моды, вежливость, вкус, <...> труд – следствия тщеславия»¹⁷. Это положение было воспринято и применено к российской действительности наблюдателями XVIII, а затем и XIX веков.

Помимо лени еще одной наиболее характерной чертой русского народа, вслед за своими предшественниками, авторы XIX столетия называют пьянство. Они уверены, что во всем свете не найдется другого народа, который бы так сильно любил спиртные напитки, как русский¹⁸. «Русский крестьянин, чрезвычайно умеренный в пище, удивительно несдержан в питье», – пишет режиссер французских театров Арман Домерг¹⁹. Фор был убежден в отупляющем воздействии неумеренного потребления водки, что, по его мнению, наглядно проявлялось в самой манере питья. Он сравнивал то, что он видел, с аналогичными традициями своей страны: во Франции пили, растягивая удовольствие, в России же крестьянин заходил в кабаки, требовал водки, выпивал и через десять минут сваливался под стол. К тому же пили в любой ситуации, в любое время дня и ночи: «Он пьет ее во всех случаях своей жизни и во все часы дня. Если он рад и весел, он отправляется выпить, чтобы еще более усилить свою радость. Если он чем-то опечален или впал в тоску, он пьет, дабы найти утешение. Даже когда его приговаривают к порке, он считает величайшим несчастьем для себя, если ему не удастся утопить свое горе в глотке водки»²⁰. Какое бы срочное дело ни было у крестьянина, если он хочет напиться, он пьет, пока не упадет. Фор, дабы читатель смог лучше понять до чего доходит пагубная страсть русских, описывает следующий случай: «У одной дамы, у которой я гостил некоторое время, необходимо было накануне специально предупредить кучера, чтобы он назавтра не напивался, поскольку может понадобиться»²¹.

Большинство рассматриваемых авторов без удивления констатировали наличие пагубного пристрастия у русских. Для многих из них оно было логичным подтверждением низкого морально-нравственного уровня основной части населения страны и вполне соответствовало образу дикого народа. Мадам де Сталь, хотя и признавала пьянство русских, что отличало их от народов Юга, весьма воздержанных, все же оговаривалась, что «в военное время русские тоже способны на воздержание, каковому предаются с постоянством почти невероятным»²².

Однако как вышеупомянутые авторы, так и некоторые другие признавали усугубляющее влияние крепостного состояния на эту привычку русских. Оно оставило человеку так мало радостей в жизни, что пьянство становилось чуть ли не единственным средством, способным вызвать

сильные эмоции, внести некоторое разнообразие в ощущение жизни. В нем человек видел способ ухода от действительности, когда снижалась чувствительность как к физической – «он не чувствует более боли от ударов» – так и к душевной боли, – «что позволяет забыть о своем рабском состоянии». ²³ Фор пишет, что русскому алкоголь необходим, чтобы возбудить воображение и ум и чтобы в его голове зародились приятные мысли о самом себе ²⁴.

Еще одна черта характера, которую традиционно приписывали русскому человеку, – вороватость. Так, в частности, у Массона читаем, что «ни один другой народ на земле не имеет подобной естественной склонности присваивать чужое имущество...» ²⁵. Авторы XIX столетия, в свою очередь, обращаясь к этой особенности русского, подтверждают сложившийся стереотип. Русский тащит все, что подвернется под руку. Воровство как распространенное в России явление отметил Монтюле. Он писал, что в России нет убийц, но можно встретить множество мелких воришек ²⁶. И все же лень, по мнению Фора, проявляется и здесь: русский не способен к воровству, требующему приготовления, комбинаций, хитрости и активной деятельности. Русские вообще несравненно более способны в том, что требует неактивного постоянства, чем в деятельности, в которой необходима целенаправленная активность ²⁷. Интересно, как объясняет это Фор: он считает, что вороватость является логическим продолжением пороков, о которых речь шла выше. Поскольку русский не хочет работать, но хочет пить, ему ничего не остается как быть вором. И он таковым является.

К традиционным представлениям о русских людях относятся и описания их жестокости, особенно многочисленные в воспоминаниях военнопленных. «Это мстительные и жестокие люди, находясь среди них, мы подвергались самой серьезной опасности» ²⁸. Военные мемуары пестрят упоминаниями о проявлениях неприязни и бесчеловечного отношения к себе, а также к раненым со стороны местного населения ²⁹.

Мадам де Сталь, напротив, увидела в поведении русского человека много мягкости и изысканности, которой не заметила у других народов: «Ни один русский кучер не пройдет мимо женщины, какого бы возраста она ни была и к какому бы сословию ни принадлежала, не поклонившись ей, женщина же отвечает ему кивком головы, неизменно исполненным благородства и учтивости...». Не будучи лично свидетелем жестокости русских людей, Сталь обращается к историческим примерам. В страшных злодеяниях, коими изобилует история России, она склонна была винить не столько саму нацию, сколько бояр, развращенных деспотической властью, которой они служили орудием, либо опорой ³⁰. Писательница признает, что в порыве страсти русские люди могут быть страшны, и объясняет это необразованностью людей, которые не умеют укрощать свою ярость ³¹.

Невежество, в котором пребывает все крестьянское сословие, отметили практически все французы, побывавшие в России. «Умственный кругозор подобных существ ограничен», – читаем, например, у маркиза Пасторе ³². Следствием невежества мемуаристы считали излишнюю набожность русского крестьянина и суеверность. Вера в бога русских людей трактовалась французами как некая врожденная и непоколебимая идея, на истинное понимание которой эти «полудикари» были неспособны, а потому придавали чрезмерное значение соблюдению обрядов, описания которых время от времени встречаются на страницах иностранных сочинений ³³. Признавая религиозность русских, г-жа де Сталь, в отличие от большинства наблюдателей, не считала ее печальным следствием их непросвещенности, напротив, она рассматривала ее как наглядное проявление нравственной чистоты народа.

О невежестве, а также о беспечности русских свидетельствует присущий им фатализм, «схожий с фатализмом восточных стран, свойственный вообще всем народам, не вышедшим из некультурного состояния» ³⁴. Вера русских в предопределенность судьбы проявилась в языке, что и отметили иностранные наблюдатели. Так, они обратили внимание на распространенное выражение «Чему быть, того не миновать», которое для европейцев означало нежелание человека думать и решать самостоятельно, нести ответственность за свои поступки. Как пишет Фор, выражения «Бог знает» и «Господь знает» прекрасно сочетаются с милым русскому сердцу ничегонеделанием и являются тем аргументом, который легко разрешает все сомнения и трудности. «Не бойтесь», – говорит вам крестьянин при всяком случае не для того, чтобы вы не испытывали страха, а чтобы вы следовали его примеру – не думали ³⁵.

Единодушно признавая малую образованность русского крестьянина, авторы расходились в оценке его умственных способностей. Так, согласно мнению Фора, русский народ не менее ленив умственно, чем физически. Автор убежден – то, как человек выглядит, в большей степени зависит от его душевного состояния, чем от черт внешности. Облик русского человека для француза свидетельствует о том, что внутри него ничего не происходит, что мысли его не тревожат. Его взгляд – пассивный и неопределенный; он безразличен к тому, что происходит вокруг.

Противоположное суждение высказывает Монтюле. На страницах его воспоминаний русский мужик предстает активным и любознательным. Монтюле пишет, что среди бурлящего водоворота, который его окружал, он всегда видел лишь остроумных и подвижных людей. По словам путешественника, на протяжении всей своей поездки он не нашел ни одного бестолкового человека. Лишь однажды наконец-таки он встретил почтальона, как ему показалось, с глупейшей физиономией, и обратился к нему со

многими вопросами – все ответы, однако, были отменно умны³⁶. Подтверждение слов Монтюле об остроумии русского человека мы находим в воспоминаниях другого француза – Домерга, где он приводит свой диалог с русским мужиком, состоявшийся летом 1812 г., в период наступления французов. Отвечая на вопрос о причине начавшихся и длившихся вот уже несколько дней пожаров, крестьянин сказал с выражением глуповатой злобы, что огонь – это ожидание русскими Наполеона и французских солдат, которые хотят занять зимние квартиры в Москве. Поскольку мороз уже начинал ощущаться, они жгли свои дома. Домерга впечатлило то, что такие слова исходили от простого крестьянина³⁷.

Ум русского человека проявлялся в изворотливости и хитрости, что было неизбежно при существовании в условиях постоянно ограниченных средств и возможностей. «Если вы добавили или заменили веревку, ремень или какую-либо мелочь, вы платите тому, кто к вам явится и объявит цену, однако, вскоре приходит второй, и оказывается, что это была его работа, а первого уж и след простыл»³⁸.

С умственным и творческим потенциалом русского человека связывается его способность к подражанию – качество, подмеченное иностранными авторами в XVIII веке. Тогда оно оценивалось в основном отрицательно – как признак несамостоятельности³⁹. Со временем мнения разделились. Некоторые наблюдатели продолжают тенденцию предшествующего столетия в оценке этого свойства и Фор в том числе. Он признает, что русские ремесленники умело копируют произведения иностранных мастеров, изящные вещи, однако подчеркивает, что их работы поверхностны, в них не стоит искать качеств оригинала⁴⁰. Того же мнения придерживается пленный гарнизона Данцига: «Жители Рыльска более искусны в том, что касается рук, а не головы. Они превосходят в искусстве, о котором пока не могут судить, потому что они всего-навсего подражатели. Неуверенность в своем вкусе ведет к тому, что они не утруждают себя тем, чтобы чего-то достигнуть»⁴¹.

Однако начинали звучать и другие мнения. Способность к искусному копированию воспринималась и как проявление творческих способностей, которые пока не нашли своего всестороннего применения. «Если однажды они начнут творить, то станут одним из первых народов в мире!» – восклицает путешественник по России Курвиль⁴².

Не менее традиционным, чем констатация негативных качеств, присущих русскому человеку, о которых речь шла выше, было и признание того, что ему нельзя отказать в гостеприимстве и милосердии. Французов удивляло, насколько легко человек в России мог найти кров в совершенно чужом доме. «Нежданный гость не причиняет им больших неудобств; он ест вместе с ними, если ему предложили, или довольствуется своим

хлебом с солью; он спит на скамье или на печи, как и все обитатели дома»⁴³.

О милосердии русских много пишут французские военнопленные. Они оказались в России в тот момент, когда, по словам г-жи де Сталь, ярче всего проявляются черты народа. Наряду с жесткостью многие из них стали свидетелями разнообразных проявлений сочувственного отношения со стороны простого народа. «По мере того, как мы продвигались вглубь страны и очутились в так называемой Великороссии, мы замечали гораздо больше сердечной мягкости по отношению к себе со стороны местных крестьян. Те из них, которые приближались к нашим бивуакам, высказывали часто нам сочувствие, а иногда даже проявляли свое расположение и более реально. Женщины в особенности были жалостливы: простые крестьянки приносили нам свое платье, доставляли пищу и даже водку»⁴⁴.

Подобные проявления чувствительности привлекали особое внимание и удивляли, поскольку рабство, с просветительской точки зрения, калечило душу человека, лишало его всех достоинств.

С одной стороны, французы сожалели о том, что подобные явления не так часто встречаются в цивилизованных обществах. С другой стороны, согласно их взглядам, получалось, что положительные качества народа были продолжением его недостатков. Русскому человеку легко было делиться тем, что он имел, поскольку у него отсутствовали честолюбивые планы и надежды когда-либо разбогатеть⁴⁵. Нужно отметить, что в своем суждении Фор следует за своим предшественником, Массоном, который также отмечал легкость, с какой крестьянин, у которого нет никаких гарантий сохранения своего имущества, расставался с тем немногим, что у него есть: «Нуждаясь лишь в самом необходимом, обладая ничем не защищенным имуществом, он живет одним днем и легко тратит то, что имеет»⁴⁶.

Удивительным казалось французам, что, несмотря на свою лень и любовь ко сну, русские проявляли иногда живость. Военный врач Мерсье отмечает также в народе сильное влечение к разным играм и упражнениям в силе и ловкости, сопряженным иногда с опасностью. К подобным развлечениям он относит качели – летом, ледяные горы – зимой и танцы.⁴⁷

Одной из наиболее характерных черт русского человека Сталь считает страстность. Это качество предопределяет крайние проявления как всего лучшего, что есть в русском человеке, так и худшего⁴⁸.

Среди физических качеств русского человека, обусловленных климатом, авторы отмечают выносливость. «Они чувствуют себя одинаково в дороге, будь то ненастье, самая страшная буря, или же прекрасная погода. Они родились под этим небом, оно для них родное. Они могут путешествовать днем и ночью, на протяжении нескольких месяцев сряду, спать под открытым небом в самое

суровое время года, и все это без малейших усилий – для них это естественное положение вещей»⁴⁹. О том, что русский народ не боится ни усталости, ни физических тягот, пишет и г-жа де Сталь⁵⁰.

В наибольшей степени это качество проявилось в характере русского военного, на котором французы останавливались особо, чему способствовали обстоятельства войны 1812 г. Помимо выносливости авторы признавали за солдатом такие боевые качества, как отвагу и умение выживать в самой невыносимой обстановке. «Русский солдат признан одним из лучших в Европе <...> он противостоит усталости, стойко переносит мороз и жару, голод и жажду»⁵¹. Свое отношение г-жа де Сталь определила так: «Русские солдаты переносят все тяготы, которые сулят им климат и войны, почти так же терпеливо, как калмыки»⁵². Для писательницы это наблюдение крайне важно, поскольку для нее солдатское сословие являлось неотъемлемой частью нации, которой, следовательно, в неменьшей мере было присуще презрение к внешним трудностям и физическим страданиям, что, в свою очередь, рассматривалось Сталь как предзнаменование больших свершений. Не признавая абсолютного превосходства физических качеств над интеллектуальными, Фор, как и предыдущий автор, пишет, что «с народом, приученным самой жизнью к постоянству в борьбе с морозом – этим опасным врагом, можно совершить великие деяния»⁵³.

Пытаясь найти ответ на вопрос о том, что же двигало русским солдатом на войне, французы исключали из ряда побудительных мотивов стремление к славе: «Он не восприимчив к тому энтузиазму, который рождает блестящие подвиги: тому, кто родился рабом и кого железная рука постоянно удерживает в границах рабства, должна быть чужда любовь к славе»⁵⁴. В этих же строках и содержится ответ на вопрос. Привычка к рабскому подчинению и вытекающие из нее страх и вера в predeterminedность судьбы определили военные качества русского солдата. Так, участник русской кампании Пьер-Луи Родерер пишет, что привычка к рабству сделала из русского крестьянина очень покорного солдата, в котором больше послушания, чем храбрости. Сравнивая французских и русских солдат, автор приходит к выводу, что мужество его соотечественников осознанно, а русских – нет, поскольку «мужество французских солдат вызвано мыслями о чести, мужество же русских солдат держится на сильной дисциплине»⁵⁵. Пассивно послушными кажутся солдаты и Домергу⁵⁶. Рассуждая о невероятной выносливости и стойкости русских солдат, авторы рисуют образ некоего механического существа, которому чуждо все человеческое.

Совершенно иного взгляда придерживаются Жермена де Сталь и другой французский литератор – Дюпре де Сен Мор⁵⁷. Для них русский солдат, как и крестьянин, чрезвычайно чувствителен к хорошему обращению. Писательница находит

подтверждение своего предположения в русской военной истории. Именно это качество, по ее мнению, понял и использовал великий русский полководец: «Секрет Суворова в управлении построением солдат заключался в отождествлении себя с ними и убеждении их в том, что он относился к ним как к своим детям»⁵⁸. Соответственно, Сталь была убеждена, что на войне русским человеком двигало не ощущение безысходности, а искренние чувства: «Он привязывается к офицерам и пренебрегает тысячами опасностей, чтобы оградить их от опасности и доказать им свою преданность»⁵⁹. Дюпре также пишет об исключительной преданности солдат своим командирам. За полным самоотречением, по его мнению, стоит нечто большее, чем чувство воинского долга. Автор полагает ошибочным относить их храбрость лишь к дисциплине и верить в то, что им чуждо чувство чести. События войны 1812 г., по его мнению, полностью опровергли это легковесное утверждение⁶⁰.

В образе русского офицера, нарисованного пленными, безусловно, сказалось чувство ущемленной гордости. В характере русского офицера Родерер особо подчеркивает отсутствие у него чувства собственного достоинства и понятия чести. Дикие нравы страны в целом в полной мере отразились в характере офицеров: «Грязь и фанфаронство характерны для большинства русских офицеров: почти все они игроки и пьяницы. В Вильне многие из них обедали на постоялом дворе и уходили, не расплатившись. Нужно было их заставлять присоединяться к своим полкам... Эти господа почти никогда не бьются на дуэли, но зачастую дерутся кулаками. Они боятся Сибири, но не бесчестия»⁶¹. Лишь очень немногие, по свидетельству того же автора, отличаются хорошим воспитанием и гуманностью, среди них особо выделяются те, кто побывал в плену во Франции. Интересно, что об этом же пишет и Мерсье, правда, в отношении солдат. Рассказывая о смене конвоя под Кирсановым, он особо подчеркивает тот факт, что теперь их сопровождали ветераны русской армии, принимавшие участие в итальянских и швейцарских походах Суворова. Многим из них пришлось самим побывать в плену во Франции. Эти солдаты сохранили самые приятные воспоминания о своем пребывании во Франции. От всех остальных этих солдат отличало то, что «при всей своей суровости они обладали сердцем, доступным общечеловеческим чувствам»⁶². Таким образом, авторы подчеркивали облагораживающее влияние страны с более высоким уровнем развития цивилизации.

О позиции г-жи де Сталь стоит сказать отдельно. В ее глазах вопрос о качествах русского военного имел особую значимость. Она единственная из авторов судила не с позиции неприятеля. Для нее чрезвычайно важно было верить в то, что «сердцами русских безраздельно владеет религиозный и военный дух, источник прекраснейших

человеческих деяний». Для г-жи де Сталь русские были «нацией воинов», о которых следовало судить по солдатам и по тому сословию, откуда их набирают⁶³.

У русских дворян всегда величественный вид. На страницах воспоминаний Фора русское дворянство в полной мере соответствует утверждению Монтескье, что «всякий ленивый народ отличается важностью, ибо те, кто не работает, считают себя как бы владыками тех, кто работает»⁶⁴. В условиях всеобщего подчинения и лести, при отсутствии серьезных жизненных трудностей, которые приходилось бы преодолевать, представители привилегированного сословия прониклись сознанием собственной исключительности и совершенно искренне поверили, что ни у кого нет больше ума и больше достоинств, чем у них, и что они достигли всего, к чему может стремиться человек. В результате самодовольство придало их облику выражение, полностью отсутствующее во внешности крестьян. Насколько одни казались проникнутыми ощущением собственного ничтожества, настолько другие были довольны собой⁶⁵.

Русские дворяне проводили свою жизнь в абсолютном безделье, не доставляя, с точки зрения европейца, удовольствия ни уму, ни сердцу. Пытаясь развеять повседневное однообразие, они искали развлечений, которые могли доставить им еда, охота и приезды гостей. Потребность в новых впечатлениях и желанием вырваться из домашней скуки объясняли французы и любовь русских к путешествиям, будь то поездка за границу или к соседу. Как сказал Фор: «Они ездят повсюду. Они ездят в гости тем чаще, чем меньше они находят себе занятий, и, соответственно, чем дольше тянется время»⁶⁶.

Одним из основных развлечений дворянина были приемы гостей. Французы неоднозначно оценивали русское гостеприимство. Можно проследить непосредственную связь между высказанными суждениями и тем, как сложилась жизнь иностранцев в России. Те, к кому судьба была менее благосклонна, воспринимали гостеприимство как показную щедрость и расточительность, свойственные тем русским, кому богатство достается легко⁶⁷. Другие иностранцы, у кого сложились теплые отношения с местным обществом, видели в гостеприимстве проявления искренности и радушия. Так, г-жа де Сталь пишет: «Русские с первого дня оказывают чужестранцу прием столь любезный, что с первого же дня кажется, будто знаешь их целую вечность, однако же, знакомство это не может сделаться более коротким и по прошествии десяти лет»⁶⁸.

В то же время многочисленные собрания обратили внимание французов на такие особенности характера русского дворянина, как отсутствие склонности к серьезным размышлениям, поверхностность суждений и чувств. Чередой приемов, свидетелем которых стал Фор, привела его к выво-

ду, что нигде не ценят радостей общения так, как в России, поскольку они являются спасением от скуки, в которой существует благородное сословие⁶⁹. Не способствовала формированию склонности к серьезным занятиям, развитию способностей сама атмосфера русского собрания. Совершенно иную роль играло общество во Франции, где люди необразованные, «вращаясь в обществе аристократов и слушая их беседы, разом и острые, и серьезные, научались в свете тому, чего не могли почерпнуть из книг»⁷⁰.

Жермена де Сталь отметила, что русские обычно охотно поддерживали разговор, однако, их речи не выражали ни мыслей, ни чувств говорящего, а свидетельствовали исключительно об учтивости. «Русские не умеют вкладывать в разговор ни душу, ни ум»⁷¹. Интересно, что одной из причин, по которым светское общение в России не радует ни блеском ума, ни задушевностью разговора, ни утонченностью нравов, ни учтивостью форм, мадам де Сталь называет чрезмерную страстность русского народа. Это качество не позволяет ему «любить мысли сколько-нибудь отвлеченные; русских забавляют только факты; до сих пор у них не находилось ни времени, ни вкуса для перехода от фактов к обобщениям»⁷². Писательница также пишет, что в обыкновенной жизни русские – само непостоянство. Они не способны долго восхищаться одними и теми же людьми, одними и теми же повелителями. По ее мнению, неизменность чувств и суждений есть плод повседневных спокойных рассуждений, «русские же, как все народы, существующие под властью деспотической, более склонны к притворству, нежели к раздумьям»⁷³.

Разговоры о предметах внешних наводили французов на мысль о скрытности русских, вполне понятной в условиях деспотического государства, где всякая яркая мысль была более или менее опасна, где все наблюдали друг за другом. «Быть может, – рассуждает де Сталь, – непривычка русских к обсуждению в обществе предметов сколько-нибудь значительных есть не что иное, как следствие великой осторожности, к которой приучает людей правление деспотическое. Именно этой сдержанностью, которая при иных царствованиях была им более чем необходима, и объясняется, по-видимому, нежелание говорить правду, им приписываемое»⁷⁴.

С другой стороны, отсутствие склонности к размышлениям, по мнению французов, могло быть следствием малой образованности русских дворян. Вообще невежество, которое французы отмечают как в народной среде, так и в привилегированном сословии, воспринимается ими как одна из черт, характеризующих деспотическое государство, в котором «безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать»⁷⁵.

Между тем иностранцы признавали у русских природный ум и богатое воображение. Последнее особенно интересно, если вспомнить, что авторы предшествующего столетия, в частности Шапп д'Отрош, писал, что «в России воображение так же редко, как гений»⁷⁶. Монтюле считает, что у русского много воображения, которому он дает полную свободу и редко сдерживает. По мнению г-жи де Сталь, русские наделены восточным воображением. Правда, писательница тут же уточняет, что оно до сих пор не проявилось ни в изящных искусствах, ни в поэзии. «Русские очень быстро продвигаются во всех сферах до известной точки, но далее не идут. Первый шаг делается под влиянием порыва, для второго же потребны мысли, меж тем русские, в отличие от народов Севера, до сих пор выказывали очень малую склонность к размышлениям»⁷⁷.

Отмечая в русских умственную лень, Фор полагал, что она была неизбежной в условиях праздного образа жизни русского дворянства. Не получая пищи для развития, ум терял свою силу и по прошествии определенного периода времени настолько ослабевал, что мысль о каком-либо занятии начинала отталкивать и утомлять. Ни один предмет уже не мог заинтересовать настолько, чтобы навести на размышления. Кроме того, в России, по мысли Фора, есть еще одно условие, не способствующее совершенствованию ума, – огромные пространства страны. Поскольку, чтобы обменяться мыслями, человеку необходимо преодолеть значительные расстояния, пересекая которые он оказывается во власти скуки. Таким образом, по мысли автора, густонаселенные страны намного больше способствуют развитию мысли⁷⁸.

Подобное бесцельное времяпрепровождение не вызывало сочувствия у французов. То, что на взгляд русского современника является «безгрешной скукой, непорочной сонливостью, неразрительной обжорливостью, отдыхом пылливому уму и покоем тревожному сердцу»⁷⁹, для большинства иностранных наблюдателей служило очередным доказательством губительного влияния крепостного права на нравственное развитие человека.

В целом, за разнообразием характеристик, данных французами представителям российских сословий, можно различить некоторые черты, свойственные русскому человеку, независимо от его социального статуса, как, например, лень (праздность), пристрастие к крепким напиткам, невежество и вместе с тем гибкий ум, богатое воображение, гостеприимство. В оценках авторами русского национального характера чувствуется сильное влияние сформировавшихся в предыдущие столетия стереотипов. Мемуаристы, стремящиеся смягчить негативный образ русского человека и акцентировать внимание читателей на его добродетелях, составляют явное меньшинство. Доминирующим остается представление о русском человеке как о существе, слепленном из пороков вследствие искажающего влияния на характер деспотизма и крепостного права.

Примечания

- ¹ См.: *Gerbod P. Notes statistiques concernant la presence francaise en Russie au XIX siècle // Cahiers du monde Russe et soviétique. 1992. Vol. 33. P. 126.*
- ² Об этом же, основываясь на материалах XVIII века, пишет Н. Ю. Вошинская (см.: *Вошинская Н. Ю. Социокультурная проблематика французской «Россики» последней трети XVIII в.: Дис. ... канд. культурологии. М., 2005. С. 133.*
- ³ Раймон Фор (1786–1850) – врач и литератор, кавалер ордена Почетного легиона, корреспондент Королевского медицинского общества и Академии наук, литературы и искусства Бордо. Фор участвовал в кампании в России в качестве врача Первого корпуса кавалерии. Был взят в плен 18 октября в районе Тарутино, после чего проехал Калугу, Тулу, Рязань и был отправлен в Орловскую губернию (см.: *Archives biographique franais / Ed. By H. And B. Dwyer. L.; Melbourne etc. 1993. II/256. P. 144, 145).*
- ⁴ *Сталь Ж. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 210.*
- ⁵ *Мильчина В. Комментарии // Сталь Ж. Указ. соч. С. 422.*
- ⁶ *Сталь Ж. Указ. соч. С. 215.*
- ⁷ *Массон Ш. Ф. Ф. Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомление автора. М., 1996. С. 137.*
- ⁸ *Сталь Ж. Указ. соч. С. 235–236.*
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ Там же. С. 204.
- ¹² *Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 362.*
- ¹³ *Faure R. Souvenirs du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. P., 1821. P. 199.*
- ¹⁴ Эдуард де Монтюле – кавалер Почетного легиона, путешественник, литератор. До своего путешествия по России в 1823 г. он побывал в Америке, Египте и Англии. Краткую справку о нем см.: *Querard J.-M. La France litteraire, ou dictionnaire bibliographique: 12 vol. P., 1830. Т. 6. P. 271; Montulé E. Voyage en Angleterre et en Russie pendant les années 1821–1823: 2 vol. P., 1825. Т. 2. P. 123.*
- ¹⁵ *Ibid. P. 204.*
- ¹⁶ *Faure R. Op. cit. P. 169.*
- ¹⁷ *Монтескье Ш. Указ. соч. С. 414.*
- ¹⁸ Пристрастие к крепким напиткам было характерно, по замечаниям французов, и для дворян (см., напр.: *Faure R. Op. cit. P. 229).*
- ¹⁹ Арман Домерг – режиссер французских театров, ставший непосредственным участником событий 1812 г.; в начале войны был арестован и выслан из Москвы вместе с сорока его соотечественниками по распоряжению московского губернатора Ф. В. Ростопчина (см.: *Domergue A. La Russie pendant les guerres de l'empire (1805–1815): 2 vol. P., 1835. Т. 1. P. 159).*
- ²⁰ *Рюа Ж. Указ. соч. С. 150.*

- ²¹ Faure R. Op. cit. P. 207.
- ²² Сталь Ж. Указ. соч. С. 218.
- ²³ См.: Руа Ж. Указ соч. С. 151; Faure R. Op. cit. P. 207–208.
- ²⁴ Faure R. Op. cit. P. 208.
- ²⁵ Masson Ch. Memoires secrets sur la Russie // Greve C. Les voyages en Russie: Anthologie des voyageurs francais aux XVIII–XIX siecles. P., 1990. P. 1189.
- ²⁶ Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 125 (см. также: Montravel. Voyage d'un officier francais prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du coté de l'Asie (observations interessantes sur les moeurs, les usages et le caractère des habitants de la rive gauche du Wolga, près de la mer Caspienne). P., 1817. P. 192).
- ²⁷ См.: Faure R. Op. cit. P. 171.
- ²⁸ Montravel. Op. cit. P. 22
- ²⁹ См., напр.: Roederer P.-L. C. Notes d'un prisonnier en Russie (1812–1814) // La Revue de Paris. 1913. № 1. P. 129.
- ³⁰ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 204.
- ³¹ Там же. С. 207.
- ³² Записки маркиза Пасторе о войне 1812 г. // Русский архив. 1900. Кн. 3, вып. 12. С. 502.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Руа Ж. Указ. соч. С. 145.
- ³⁵ Faure R. Op. cit. P. 204.
- ³⁶ См.: Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 207.
- ³⁷ См.: Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 309–310.
- ³⁸ Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 48.
- ³⁹ См.: Мильчина В. Указ. соч. С. 423.
- ⁴⁰ См.: Faure R. Op. cit. P. 179.
- ⁴¹ Voyage en Pologne et en Russie, par un prisonnier de guerre de la garnison de Dantzick en 1813–1814. P., 1828. P. 161.
- ⁴² Courville A. Promenade de Saint-Petersbourg á Saratoff et retour, en passant par Nowgorod, Twer, Moscou, Résan, Morchansk, Kirsanoff, Saratoff. P., 1823. P. 10.
- ⁴³ Faure R. Op. cit. P. 114, 210. См. также: Руа Ж. Указ. соч. С. 148; Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 169.
- ⁴⁴ Руа Ж. Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁵ См.: Faure R. Op. cit. P. 206, 210.
- ⁴⁶ Masson Ch. Op. cit. P. 1190.
- ⁴⁷ См.: Руа Ж. Указ соч. С. 152–153.
- ⁴⁸ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 207.
- ⁴⁹ Faure R. Op. cit. P. 170.
- ⁵⁰ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 203.
- ⁵¹ Chopin J. M. Op. cit. P. 53.
- ⁵² Сталь Ж. С. 203.
- ⁵³ Faure R. Op. cit. P. 173.
- ⁵⁴ Chopin J. M. Op. cit. P. 53.
- ⁵⁵ Roederer P.-L. Op. cit. P. 128.
- ⁵⁶ См.: Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 332.
- ⁵⁷ Эмиль Дюпре де Сен-Мор, французский литератор и политический деятель, посетил Россию в 1820–1825 годах. Результатом поездки стали несколько его произведений: «Русская антология» (1823), «Отшельник в России, или наблюдения за нравами и обычаями в начале XIX в.» (1829), «Петербург, Москва и провинции» (1830), которые познакомили Францию с литературой, нравами и обычаями царской империи (см.: Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse: 20 vol. P., 1872. T. 6. P. 1419).
- ⁵⁸ Сталь Ж. Указ. соч. С. 203
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Dupré E. Op. cit. T. 2. P. 168–169.
- ⁶¹ Roederer P.-L. Op. cit. P. 127.
- ⁶² Руа Ж. Указ. соч. С. 89
- ⁶³ Сталь Ж. Указ. соч. С. 210.
- ⁶⁴ Монтестье Ш. Указ. соч. С. 414.
- ⁶⁵ См.: Faure R. Op. cit. P. 192.
- ⁶⁶ Ibid. P. 118.
- ⁶⁷ См.: Faure R. Op. cit. P. 243.
- ⁶⁸ Сталь Ж. С. 209.
- ⁶⁹ См.: Faure R. Op. cit. P. 239.
- ⁷⁰ Там же. С. 223.
- ⁷¹ Там же. С. 222.
- ⁷² Сталь Ж. Указ. соч. С. 223.
- ⁷³ Там же. С. 118–119.
- ⁷⁴ Там же. С. 230.
- ⁷⁵ Монтестье Ш. Указ. соч. С. 190.
- ⁷⁶ Chappe d'Autroche. Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance. Amsterdam, 1769. P. 1175.
- ⁷⁷ Сталь Ж. Указ. соч. С. 212.
- ⁷⁸ См.: Faure R. Op. cit. P. 230.
- ⁷⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1899. Кн. 2. С. 19.